

Защитно-адаптивные подструктуры этнического самосознания на фоне этнообусловленных депрессий

Бромлей выделяет такие составляющие компоненты этнического самосознания, как национальная идентификация; представления о типичных чертах своей общности, ее свойствах как целого — автостереотипы, представления об общности исторического прошлого народа; о территориальной общности («родной земле»); о государственной общности при определенных конкретно-исторических условиях. Самостоятельным элементом в структуре этнического самосознания является осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации, ее достижениям, ориентациям на них. В свою очередь, А.Х. Гаджиев указывает конкретное выражение этнического самосознания в многообразных формах: познавательной, эмоциональной и волевой. Познавательная сторона этнического самосознания включает в себя: осознание человеком своей этнической принадлежности; осознание им своего социального положения, осознание традиций, норм-моделей поведения; осознание своих жизненных интересов и насущных потребностей. Эмоциональная сторона этнического самосознания включает в себя чувство национальной гордости, чувство собственного достоинства. К основной функции самосознания Гаджиев относит регулятивную, поскольку она имеет волевую форму своего проявления. Благодаря этой функции этническое самосознание регулирует и направляет все проявления этнической психологии, обеспечивает самоконтроль во всех сферах общественной жизни.

Этническое самосознание личности приобретает в ходе ее онтогенетической социализации. Несмотря на то, что она является

частью ее приобретенного опыта, далеко не всегда, как показали наши исследования, она достаточно четко осознается. Этнопсихологическое исследование состояния самосознания немцев в Украине показало, что в процессе психодиагностических процедур мы сталкиваемся с гораздо более сильным стремлением к полноценной манифестации собственной этничности, чем это признается в ответах респондентов. Нам не кажется, что немцы стыдятся своей национальной принадлежности, чаще всего (особенно у молодого поколения) она как бы "не востребована" социальным окружением и потому остается в основном содержанием интимных самопредставлений, т.е. тех компонентов "Образа Я", которые не должны репрезентировать себя в повседневных социальных коммуникациях.

Это подтверждает уже высказанное предположение, что структура самосознания или Я-концепции актуально имеет преимущественно подсознательное существование, так как особенно четкое и возможно полное осознание собственной личности и собственных переживаний, психических процессов и действий от человека требуется только в ответственных проблемных ситуациях.

С другой стороны, именно недостаточное осознание насущной необходимости собственной этнической самоидентификации может порождать этнообусловленные депрессии и активизировать защитные механизмы социально-психической адаптации не всегда конструктивные для индивидуума.

Некоторые респонденты (около 7%) отметили, что "полностью равнодушны" к собственной национальной принадлежности, "не желают об этом думать" и искренне полагают себя благополучными в психологическом отношении людьми. Однако, именно эта группа в результате примененного нами метода диагностирования показала достаточно высокую депрессивность явно этнообусловленного характера.

Собственно этнические компоненты самосознания у таких субъектов, декларирующих свою "безнациональность", нередко

приобретают форму иррациональных фобий и навязчивостей. Декларируемый интернационализм может скрывать глубоко внутри личности бытовой антисемитизм и даже русофобию. Обычно эта группа респондентов также безразлично относится к традиционной религии, полагая себя атеистами либо внеконфессиональными христианами. При этом легко обнаружить неосознаваемую неприязнь к православной форме литургии и спокойно-удовлетворенное отношение к эстетике католического либо протестантского храма. Неосознаваемые конфликты между этнически значимым социокультурным материалом и его отсутствием в реальном жизненном опыте снижает мотивацию к общественно-полезному труду, провоцирует немотивированную агрессивность по отношению к любым проявлениям национальных чувств (независимо от того, о какой нации идет речь).

Таким образом, можно говорить о развивающейся в ходе искаженной социально-психологической мотивации генерализации по отношению к самому явлению этничности.

В результате этнообусловленной депрессии не могут не страдать познавательные способности и процессы в психике человека, которые составляют отдельный функциональный блок, подчиненный центральному Я, когда личность достигает достаточного уровня зрелости. Поскольку депрессивный фон подразумевает сниженную способность индивида получать положительные эмоции от любого психического акта, и в первую очередь от познавательного как несущего новое содержание и потенциально способного видоизменить внутренний мир депрессанта, мы предположили, что когнитивный импульс этих субъектов либо угас, либо претерпел деструктивные трансформации.

Собеседование подтвердило наше предположение. Более половины опрошенных избегают читать книги, смотреть телевидение, слушать новости по радио. Как правило, они находят известное

удовлетворение своей психической активности в занятии любимой специальностью, нередко имеют хобби, содержательно далекое от повседневной реальности.

Здесь мы вновь наблюдаем, как конфликтный этнообусловленный материал тщательно вытесняется и заменяется альтернативной деятельностью, где нет и не может быть сигналов проэтнического или этнического характера.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что адаптирующееся самосознание является результатом социализации и социально-психической адаптации личности к типичным ситуациям ее жизнедеятельности. Особенности самосознания, или Я-концепции и ее отдельных структур (относительно устойчивых Я-образов) являются показателями того, как адаптирована личность к социальным условиям своего существования.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что лица, страдающие этнообусловленной депрессией, видоизменяют свою Я-концепцию и осознаваемые Я-образы, избирая при этом адаптацию путем ухода из проблемной ситуации. Это пассивная "адаптация", бегство, поиск новых, более удобных и благоприятных для обеспечения безопасности и удовлетворения потребностей стратегия; т.е. адаптация с сохранением проблемной ситуации и приспособления к ней.

Депрессанты чаще всего избирают путь преобразования восприятия и истолкования ситуации, т.е. создания ее непроблемного субъективного образа. В тех случаях, когда мы можем говорить о декларируемом, искусственном "космополитизме" (внеэтничности) создаваемого Я-образа, это путь более глубокого изменения самой личности, в первую очередь ее Я-концепции. На наш взгляд, этот способ разрешения ситуации наиболее опасен и чреват неожиданными модификациями депрессивной симптоматики, а также деструктивным типом избавления от психологического давления.

Развитая человеческая личность имеет систему представлений о

себе, которые она считает соответствующими реальности.

Эта система приписываемых себе в данный "момент" ее жизни качеств. Мы говорим о приписываемых свойствах, поскольку представления человека о своих физических и особенно о психических качествах не всегда точно отражает его реальные качества. Более того, реальные свойства и качества личности нередко отражаются в ее сознании искаженно, причем могут приписываться себе даже полностью отсутствующие качества. Тем не менее, представление человека о том, каким он является в данный отрезок своей жизни (его "реальное Я или, точнее говоря, его актуальный, относительно устойчивый Я-образ), играет огромную роль в его жизнедеятельности: мотивирует его активность, детерминирует выбор ближайших целей и уровень притязаний, определяет особенности его общения с людьми, выбор адаптивных механизмов и стратегий и т.д.

Настоящее Я участвует в адаптации личности в актуальных социальных ситуациях, но если ситуации меняются, то и настоящее Я претерпевает некоторые изменения, обеспечивающие гибкое реагирование и регулирование поведения и, тем самым, адаптацию личности. Именно настоящее Я оказывается субъектом этнообусловленных депрессивных реакций, в то время как частные Я-образы нередко исполняют "маскирующую" функцию, поддерживая те элементы поведения и реагирования субъекта, что помогают удалить из осознаваемого поля как сам факт депрессии, так и переживания, провоцирующие депрессию.

Представляемые Я-образы, т.е. такие образы и маски, "... которые индивид выставляет напоказ, чтобы скрыть за ними какие-то отрицательные или болезненные черты, слабости своего реального Я" , у лиц, страдающих этнообусловленными депрессиями , плохо справляются со своими социально-психологическими адаптивными функциями. Как правило, используется "маска" бесчувственного прагматика, непривлекательного для окружающих, трудно находящего общий язык

с коллегами и близкими.

Очевидно, что такие "витринные" Я-образы - а под представляемыми Я, по нашему мнению, можно понимать только ситуативные Я-образы, которые, однако, довольно устойчивы и многократно воспроизводятся в соответствующих ситуациях -являются защитно-адаптивными образованиями психики человека. Их можно назвать защитно-адаптивными подструктурами самосознания, в случае этнообусловленных депрессий не исполняющими предназначенную им функцию.

В процессе диагностики этнообусловленных депрессий и наблюдения за поведением респондентов, мы неоднократно имели возможность убедиться в том, какие негативные влияния оказывает фрустрированное этническое самосознание на общую структуру психического мира обследуемых. В психике могут образоваться различные вытесненные Я-образы, между которыми нет связи или эти связи, если они устанавливаются, односторонни (одно Я знает о другом, но второе не информировано о первом). Это означает, что центральное Я, связываясь с определенным Я-образом и активизируя его, тем самым изолируется от другой подсознательной подструктуры Я-концепции, если эти подструктуры изолированы друг от друга.

Таким образом на уровне Я-концепции и Я-образов проявляет себя социально-психическая дезадаптированность, вызванная этнообусловленными депрессивными состояниями.